

БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ISBN 978-5-91608-181-7

С. 233-236

https://doi.org/10.31833/conf_ihll2019.045

УДК 811.512.141

А. М. Муталлапова

*МОБУ «Башкирский лицей имени Р. Уметбаева» ГО г. Сибай
ул. Кусимова, 7, г. Сибай, 453838, Россия
E-mail: aysmir@yandex.ru*

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ш. БАБИЧА (на материале цикла «Цветник имен», 1917)

В статье представлен лексический анализ личных имен, которые описываются в произведении Ш. Бабича «Цветник имен». Женские имена характеризуют башкирскую антропонию начала XX века.

Ключевые слова: Ш. Бабич, башкирская антропонимия, лирика, история языка.

Шайхзада Бабич – уникальный поэт, можно сказать, это герой своего времени. Его судьба неразрывно переплетается с историческими событиями и переломными моментами жизни башкирского народа начала XX века. Ш. Бабич всегда находился в центре культурных и политических событий, активно сочинял стихи, выступал, агитировал. В его творчестве ярко отражается духовный мир молодого человека. Он стремится понять истину, найти ответы на жизненно важные вопросы для народа. В то же время следует отметить лирическую натуру поэта. В творчестве Шайхзады Бабича прослеживается богатый словарный запас, поэтическое мастерство, образность, бережное отношение к языку. Изучение его произведений входит в обязательную программу средней школы. В зависимости от уровня владения языком в школах определяется выбор учебников башкирского языка и литературы, в которых его творчество представлено также неодинаково. На наш взгляд, на уроках в качестве дополнительной литературы можно было бы порекомендовать взять стихотворения Ш. Бабича, в которых особое внимание уделяется именам собственным. В своих произведениях поэт умело и широко использовал и личные имена, изучение которых помогает составить представление о башкирской антропонимии начала XX века, о ее языковых особенностях, знакомит с выдающимися личностями эпохи, а также с духовными ценностями башкирского общества, запечатленными в именах собственных. В данной статье мы хотим сделать обзор личных имен, которые встречаются в произведении Шайхзады Бабича «Цветник имен» (1917).

Как известно, имена собственные наиболее ярко представлены в его произведении «Цветник имен» («Исемдәр баксаһы», 1917), являющем собой цикл миниатюрных стихов-посвящений хвалебного характера [Кунафин, 2015, 111]. Объектом его коротких стихов являются конкретные представительницы прекрасного пола – Сара, Нафиса, Уммугульсум, Бибиасма, Зайнап и другие; всего в цикле упоминается 44 женских имени.

В каждой миниатюре перед глазами читателя предстает маленький портрет, обладающий своим характером. Если один запоминается нежностью, поэтической одухотворенностью, другой – шутливостью [Бикбаев, 1995, 218], третьему присущи строгость, возможно, чопорность. Черты натуры воспетых в четверостишиях женских образов раскрываются через звуковые оболочки имен, лексический подбор компонентов синтагм, семантику имен и обыгрывание звучания антропонимов. Рассмотрим подробнее женский именовословник, выделив наиболее характерные черты использования тех или иных имен.

В произведении первое, что бросается в глаза, – это происхождение женских антропонимов. Практически все имена арабского (*Хадиса, Магфура, Зулейха, Рабига, Хаят, Маймуна, Зайнап, Ганбар, Уммукамал, Нафиса, Сырур, Магрифа, Хажар, Фатима, Сажидда*), персидского (*Фирдаус, Зифа, Магира*) или смешанного (перс. + арабс. или арабс. + перс.) происхождения, что характеризует состояние башкирского женского антропонимикона в начале XX века как систему имен, развившуюся на основе преимущественно арабских, меньше персидских слов.

Известно, что имянаречению у башкир придавалось очень большое значение. Имя человека считалось особенным, неприкосновенным, присущим только человеку и ничему больше [Ягафарова, 2016], поэтому к выбору имени башкиры относились очень внимательно. Несмотря на то, что башкирская антропонимия является частью тюркской антропонимии, в ее развитии, особенно в период становления в конце XIX – начале XX века особую роль сыграл арабский пласт слов, который помог башкирской этнокультуре выбрать красивые по значению, но не повторяющие имена каких-либо артефактов, имена. Поэтому и в данном произведении Ш. Бабича большинство имен составляют арабские, менее представлены персидские антропонимы.

Имена отличаются своим составом, т.к. большинство из них – сложные слова, компоненты которых представлены башкирскими (*Бик + һылыу, Миңле + бикә*), персидскими и арабскими (*Гөл + Бәгизә, Биби + Әсмә*), арабскими и персидскими (*Өммө + Гөлсәм*), башкирскими и персидскими (*Алма + гөл, Ай + зирәк*) словами.

Есть среди имен несколько антропонимов, привлекающих внимание своей древностью и редкостью. Несмотря на то, что данные имена имеются в произведении Ш. Бабича, в современном именнике они не встречаются.

К таковым относится имя *Аланкыуа*, непонятное ныне носителям башкирского языка. Оказалось, что *Аланкыуа* – это башкирский вариант имени *Алан-гоа*, легендарной прародительницы монголов, из рода которых происходил Чингисхан. В самом четверостишии есть указание на это обстоятельство: поэт подчеркивает святость имени, советует выходить замуж по любви, – без сомнения, родится ребенок, подобный Чингисхану.

Следующее имя – *Айзарһылыу*, образованное из *айзар* ‘родилась в лунную ночь, счастливая, красивая’ + *һылыу* ‘красивая’, в словаре [Кусимова, Бикколова, 2000] отмеченное как древнее башкирское имя. В современном именнике не встречается, поэтому Биккулова дает комментарий о единственном случае применения данного имени, указав в качестве источника книгу Ш. Бабича [Кусимова, Бикколова, 2000, 105]. Впоследствии первая часть данного имени у башкир утвердилась как мужское имя: *Айдар* – довольно распространенное имя среди тюрков, в том числе и среди башкир. Однако у башкир данное имя закрепляется как сугубо мужское имя, между тем как, например, в турецкой культуре имя дается как мальчикам, так и девочкам [Kişi Adları Sözlüğü], чаще применяется как женский антропоним.

И наоборот, башкирское имя *Тугызак*, отмеченное в цикле Ш. Бабича как женское, в современных башкирских антропонимических словарях фиксируется как мужское, образованное от: ‘1) дрофа; 2) от слова *тугыз* ‘девять’ (согласно профессору К.К. Юдахину, происхождение данного имени связано с обычаем выкупа (в качестве платы давали девять предметов) родителями собственного малыша, отданного чужим людям на призрение с целью сохранения его жизни. Такому ребенку обычно давали имя *Тугызак*’ [Төпәев, 2010,

146]. По-видимому, с течением времени некоторые имена претерпели изменения, закрепившись в именнике как женское или мужское.

Описание обладательниц части имен основано на различных приемах игры слов: *Гөлбәгизә, Бикһылыу, Нәфисә, Сажидә*, что, конечно, затрудняет перевод на другие языки, т.к. при переводе теряется связь имени с первоосновой слова, ср.: *Нәфисәгә саләм нәфис ел аркыры*, что в переводе дается как *Ветрокрылой Нәфисе привет от ветра* [Бабич, 2015].

При упоминании большинства имен поэт обыгрывает их значения: *Алмагөл, Миңлекәй, Алтынкай, Рәбигә, Мәймунә, Ғәнбәр, Мәрйәм, Кәләнфер, Айзирәк, Йомабикә, Мәрйенбикә*, причем следует особо отметить, что автор наряду с башкирскими свободно оперирует значениями и арабских, и персидских имен. В некоторых случаях он даже вводит читателя в мир арабского языка, давая в стихотворных строках разъяснения употребляемым именам, например, имя *Рәбигә* по-арабски означает '1) 4-ый ребенок в семье; 2) весенняя; 3) первоцвет', Ш. Бабич подчеркивает 2-е значение:

*Гандугастар уның назын мактап һайрай,
Уның өсөн яраткандыр нурлы яззы.*

Многозначность арабских и персидских слов часто сбивает с толку исследователей, в результате чего допускаются неточности. Например, составитель сборника стихов и поэм 1985 года [Бабич, 1985] Равиль Бикбаев при комментировании четверостишия о Маймуне дает трактовку слова *мәймун* только как 'обезьяна' [Бабич, 1985, 229]. Однако, как нам представляется, Бабич здесь играет значениями слова: *мәймун*, обозначающий в арабском 'обезьяна' и 'радостный, счастливый', в данном контексте *Мин, Мәймунә, тигәндә, мәймун булам* применен автором в ироничной форме, дескать, 'я при звуке имени Маймуна становлюсь счастливым / превращаюсь в обезьяну', поэтому, на наш взгляд, в комментариях должны были быть приведены оба значения слова.

Автор при раскрытии характеров опирается на звукоподражания: *Хәзисә – нисә-нисә; Мәғфүрә – махмүр; Тугызак – тозак; Өммөхәя – ая – кая – хәя; Сара – кара – бисара* и др. Стихотворения также могут строиться вокруг некоторых отдельных звуков или их сочетаний, например, в четверостишиях об Алмагуль (повторение слога *ал*), Биксылыу (повторение звука *һ*), Марьям (повтор звука *м*).

Эпиграф к циклу "Цветник имен" повторяет прежде высказанную мысль Ш. Бабича:
*Ике намә – әүәле алла, икенсе кыз –
Бәндәләрге көзрәтенә табындырган.*

Эта мысль далее будет подхвачена Мустаем Каримом, лирический герой которого также будет преклоняться в немом восхищении перед тремя проявлениями жизни: перед землей, небом и женщиной.

Таким образом, в цикле экспромтов "Цветник имен" мастером слова любовно характеризуются женские имена, через значения, звучания которых поэт добивается раскрытия характера и описания облика их обладательниц. Языковые средства, используемые им, очень информативны с точки зрения изучения истории языка, истории становления башкирской антропонимии, истории формирования башкирской духовной культуры. Поэтому данное произведение, на наш взгляд, заслуживает более тщательного изучения в школе в качестве дополнительной литературы.

Литература

- Бабич Ш. Весенняя песнь: стихи, проза [пер. с башк. Г. Г. Шафикова]. Уфа: Китап, 2015. 296 с.
Бабич Ш. Шиғырзар, поэма, эпиграммалар / Төз., баш һүз һәм аңлатмалар биреүсене Р. Бикбаев. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1985. 400 бит.
Бикбаев Р. Т. Шайхзада Бабич. Жизнь и творчество. Литературоведение. Уфа: Китап, 1995. 304 с.
Кунафин Г. С. Творческие горизонты Шайхзады Бабича. Уфа: Китап, 2015. 288 с.
Кусимова Т. Х., Бикколова С. Ә. Башкорт исемдәре. Өфө: Китап, 2000. 176 бит.
Төпәев С. Х. Башкорт исемдәренәң мәғәнәһи һүзлеге. – Өфө: Башкорт энциклопедияһы, 2010. 360 бит.
Kişi Adları Sözlüğü // <https://sozluk.gov.tr/>.

Ягафарова Г. Н. Фольклорные имена: о чем они говорят (на примере башкирских богатырских сказок) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Т. 18. № 2 (151). 2016. С. 155-169.

A. M. Mutallapova

*Municipal Budgetary General Educational Institution
"Bashkir Lyceum named after R. Umetbaev" Sibay
st. Kusimova, 7, Sibay, 453838, Russia
E-mail: aysmir@yandex.ru*

PROPER NAMES IN THE WORKS OF Sh. BABICH

The article presents a lexical analysis of proper names, which are described in the work of Sh. Babich "Flower Garden of Names". Female names characterize Bashkir proper names of the beginning of the twentieth century.

Keywords: Sh. Babich, Bashkir anthroponymics, lyrics, history of language

References

- Babich Sh. Spring Song: Poems, Prose. Ufa: Kitap, 2015. 296 p.
Babich Sh. Poems, epigrams. Ufa: Kitap, 1985. 400 p.
Bikbaev R.T. Shaikhzada Babich. Life and art. Literary criticism. Ufa: Kitap, 1995. 304 p.
Kunafin G.S. Creative horizons of Shaykhzada Babich. Ufa: Kitap, 2015. 288 p.
Kusimova T.Kh., Bikkulova S.A. Bashkir names. Ufa: Kitap, 2000. 176 p.
Tupееv S.Kh. Dictionary of meanings of Bashkir names. Ufa: Bashkir Encyclopedia, 2010. 360 p.
Kişi Adları Sözlüğü // <https://sozluk.gov.tr/>.
Yagafarova G.N. Folklore names: what are they talking about (based on the material of Bashkir heroic tales). In *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2. Humanities*. T. 18. No. 2 (151). 2016. P. 155-169.